

В. ОЛЬ

Новая сатира Щедрина и наша журналистика

Мы стоим перед довольно курьезным явлением: перед обидой, якобы нанесенной г. Щедриным русской печати. Дело в том, что наш почтенный сатирик наострил свое перо (несколько притупившееся в его последних ежемесячных и обширных произведениях) и обрисовал лучшими красками своего таланта редакцию газеты «Чего изволите?». Статья вышла не только вполне удачно и остроумно, но даже и имеющею довольно серьезное значение. Выразившийся в ней тип литературного Молчалина следует причислить к лучшим щедринским типам...

И что же случилось?! — Русская печать обиделась самым смешным и наивным образом. В особенности обиделась провинция, в щекотливых случаях. «Одесский вестник» решился взять на себя роль «гласа народного» и в 219 своем № выступил против г. Щедрина с литературным фельетоном¹.

Он находит, что когда русские современные писатели вообще, а газетные редакторы и сотрудники в частности получают *такую могучую встряску*, то им следует отвечать и высказаться, следует уверить публику в *неправдивости* г. Щедрина, в том, что на самом деле не существует газеты «Чего изволите?» и ее редактора — Молчалина 2-го. Фельетонист «Одесского вестника» совершенно серьезно и горячо дает следующие три клятвы: 1) «За исключением самых дрянных газетшек (да и то едва ли), в нашей прессе *почти* (!?) нет редакторов — золотарей и прохвостов». 2) «Ни один известный г. фельетонисту редактор не представляется похожим на Молчалина 2-го настолько, чтобы можно было сказать, что это портрет». 3) «Ни в одной известной г. фельетонисту газете не пишутся передовые статьи, *совершенно* (!?) подобные приведенной Щедриным, и не исправляются так, как он изобразил». Эти три искренние и правдивые клятвы, заставляющие

читателей так неудержимо смеяться, как и сама статья г. Щедрина, представляют несколько неожиданные доказательства виновности нашего сатирика. Но фельетонист «Одесского вестника» идет еще далее: *уличив во лжи*, он начинает наставлять автора *Экскурсий* и стыдить его. Он находит в сатире Щедрина безобразную и несправедливую карикатуру, а в нем самом отсутствие идеала. «Не с холодным и бессердечным сарказмом, — говорит он, — а с теплым соболезнованием следовало бы ему отнестись к болезням и немощам русской прессы». Ему следовало дать ответ на вопрос: «Что делать?» Ему следовало дать читателям понять, на чьей стороне стоит его сочувствие и чего бы он хотел для улучшения настоящего положения нашей прессы. Тогда сатира его была бы подвигом для общественной пользы... и т. д. Что бы осталось от *сатиры* Щедрина, если бы все эти поучения и требования были исполнены — мы, конечно, не станем разъяснять фельетонисту «Одесск. вестника», тем более что он окончательно становится невменяемым, прибавляя: «Но в ней (газете “Чего изволите?”), несомненно, заключаются многие очень характерные черты современной русской прессы».

Среди многих тысяч русских людей, обученных чтению и письму, наверное, найдутся сторонники фельетониста «Одесского вестника», совершенно с ним согласные и заявляющие те же требования. Но ведь серьезные писатели, и г. Щедрин в числе их, никак не могут приноравливаться к степени развития каждого своего случайного читателя. Они пишут никак не для людей непонимающих, что это такое написано и как его нужно читать, и, если устами одесского фельетониста говорит вся пишущая и читающая провинция, то факт этот очень смешон и жалок и может только послужить материалом для новой сатиры...

Отдавая должную дань таланту г. Щедрина, мы никогда не принадлежали к числу слепых его поклонников и постоянно указывали на его слабые произведения, вызываемые, главным образом, чрезмерной плодовитостью автора. Но последняя сатира метко попала по назначению, и всякий крик, всякое недовольство, возбужденные ею, только еще неопровержимее доказывают это. Только «Одесский вестник» и может воображать, что сатирик обозвал *«всю русскую литературу помойною ямой»*. Сатира не имеет дела со *счастливыми исключениями*, не должна перед ними извиняться и не обязана на них указывать. Следовательно, обижающийся и принимающий на свой счет этим самым и выдает себя — старая истина. Г. Щедрин вовсе не оклеветал русских литераторов и журналистов — он только сделал то, что уже давно следовало сделать:

откровенно и остроумно посмеялся над газетами «Чего изволите?» и литературными Молчалиными. Недаром даже и фельетонист «Одесского вестника» клятвенно уверяет, что у нас почти нет редакторов «золотарей и прохвостов», что в Молчалине 2-м трудно узнать вылитый портрет какого-нибудь известного редактора и что передовые статьи не *совершенно* так пишутся, как это рассказано в сатире... Действительно, газета «Чего изволите?» и литературный Молчалин, не будучи фотографическим снимком с какой-нибудь известной существующей газеты и редактора, являются вполне и художественно верным *типом*, вмещающим в себе всю дрянь, так широко расплодившуюся в нашей печати. Характеристический образ «Чего изволите?» и литературного Молчалина, варьируясь и оттеняясь сообразно с различными обстоятельствами, постоянно является перед нами. Он здесь и там, и к какой бы литературной категории ни принадлежал, он — вечно один и тот же, с прирожденными ему, резко отмеченными Щедриным чертами. Чем бы ни руководствовался он, какой бы страх или какой расчет ни овладевал им — это все он — литературный Молчалин со своим органом «Чего изволите?»...

«Чего изволите?» — вот истинный и единственный ярлык, принадлежащий журналистике, не имеющей своих собственных и ясных убеждений или находящей *невыгодным* их высказывать, журналистике, не руководящей общественным мнением, а со страхом и трепетом прислушивающейся к своим плательщикам и все же, весьма часто, опаздывающей в погоне за движением их мысли и чувства...

И именно теперь, в последние месяцы, эта журналистика допускает над собою самые ясные, самые неопровержимые наблюдения. Если собрать в строгой постепенности, изо дня в день, все, что говорило большинство наших органов по поводу славянского вопроса и движения, начиная с первых известий о действиях «инсургентов» и кончая сегодняшним днем, то образ «Чего изволите?» встанет перед нами во всем своем шутовском, жалком одеянии. События застали «Чего изволите?» и литературных Молчалиных совершенно врасплох, без всяких чувств и мыслей. Не их ума было дело догадаться, что означают эти события и что может и необходимо должно из них вытечь. Поэтому они сочли за самое благоразумное и выгодное отнестись к славянскому движению, к первым фактам христианского мученичества за святое дело, с полным равнодушием и даже почти с пренебрежением. Но вот кровь полилась, вопрос разрастался, русское общество проснулось... «Чего изволите?»

поняло, что дело становится довольно серьезным, что необходимо *высказаться*. Но все же еще они не осмыслили, чего именно хотят *плательщики*, в какую сторону выгоднее держаться. И с этого момента легко проследить то жалкое влияние из стороны в сторону, ту плохо замаскированную игру, которая ежедневно выставлялась перед публикой на печатных страницах.

Мы с изумлением присутствовали на чрезвычайных журнальных метаморфозах. Мы видели, как при звуках поднявшихся отовсюду живых голосов, как при ежедневно возраставшем и забившем горячим ключом движении русского общества и народа изменялись литературные физиономии гг. Молчалиных. «Чего изволите?» и «Бреющие шила» забывали свою вражду и бесконечную полемическую потасовку и наперерыв, друг перед другом, высказывали мысли и чувства, одушевляющие всю Россию.

Мы могли только удивляться и радоваться. Мы должны были верить, что святой и великий вопрос послужил очищением и умиротворением нашей прессы, прекратил ее бесплодную вражду, соединил ее для достижения общих прямых целей. И мы изумлялись, радовались, верили. Мы гнали от себя, как недостойные, такого рода сомнения и вопросы: а что, если все это не искренность, не убеждение, не просветление? что, если это тоже «Чего изволите?» и вызвано единственно мыслью о *плательщиках*? что, если, с другой стороны, это только неизбежная, неохотно делаемая уступка ярко высказавшимся симпатиям тех же *плательщиков*?

И вот, прошло немного времени, обстоятельства славянской борьбы доказали, что быть героями еще не значит быть постоянными победителями — и мысли, которых мы стыдились, оказались в значительной мере справедливыми. «Чего изволите?» со всего разбега круто повернули в сторону. Иные из них стали позволять читать между строк, а другие прямо, не задумываясь, будто боясь опоздать, как прежде, и желая любезно предупредить реакцию, по их мнению, долженствующую появиться в обществе, стали цинично и безжалостно сжигать и топтать в грязь то, что вчера обожали... И мы должны были присутствовать при таком безобразии, которого не осмеять никакой сатире. «Чего изволите?» — нет, это не карикатура, не клевета! Беспристрастно вглядываясь в нашу журнальную действительность, приходишь к убеждению, что краски еще слишком слабы и бледны, что здесь еще много авторской любезности и снисходительности! Но и за то г. Щедрина — большое спасибо!..

* * *

Как мы уже заметили, литературный Молчалин принадлежит к удачейшим щедринским типам. Только одно крайнее литературное невежество может упрекать автора за *карикатурность* этого лица. Понятное дело, что живые Молчалины, издающие газеты, не говорят именно тех фраз, которые приводятся в статье, не заменяют слова «граждане» словом «обыватели» и т. д.; но отсюда еще никак не следует обвинение в карикатурности. В таком случае оказалось бы, что все лучшие художественные типы не что иное, как простые карикатуры, не имеющие никакого прямого отношения к жизни, ни внутреннего смысла. В таком случае и Пиквик Диккенса, и Чичиков, и Хлестаков Гоголя и многие лучшие лица романов Достоевского — только карикатуры. Г. Щедрин иной раз действительно погрешает против чувства художественной меры; но в Молчалине он до конца остался художником. Вглядитесь пристальнее в этого редактора «Чего изволите?» и проследите за его действиями. В нем только одна мысль — выпустить завтра такой № газеты, где нельзя бы было ни к чему прицепиться, одно только чувство — страх перед неведомым «духом», от применения к которому зависит безопасность и благоденствие газеты. При таком настроении и взгляде на дело не существует уже никаких других соображений: отношения к сотрудникам, работу которых приходится редактировать, идеально бесцеремонны. Стоит присутствующему приятелю заметить, что такая-то фраза как будто подозрительно «припахивает» — и редакторский карандаш немедленно изменяет самую суть ее, превращая ее в полнейшую бессмыслицу. Все изменяется, изглаживается, все, и без того совсем темное, затемняется окончательно. Одно только остается нетронутым: площадная брань без конца и меры, обращенная к литературному противнику. На этой почве не требуется сдержек — здесь все безопасно.

Но вот, наконец, этот «меняла»-редактор доходит до того места в фельетоне, где говорится о нужде народной, о голоде, холоде и пожарах. И что же? — он не выдерживает и начинает плакать. — Ты чего, спрошу тебя, рюмишь? обратился к нему Алексей Степаныч.

— Так, братец! взгрустнулось! невеселую ведь картину представляет наша бедная Русь православная!

Он закручинился, склонив голову на бок и как-то нелепо запел...

Пропел он какую-то грустную чепуху и несколько времени оставался под влиянием своей грусти. Эта маленькая и довольно неожиданная черта в характере редактора Молчалина, «менялы и прохвоста»,

обращает на себя внимание. С нею его образ делается совсем живым, правдивым, далеким от всякой карикатурности. Подметить такую черту в общей и безнадежной Молчалинской дряни мог только художник. Но раздуть ее и придавать ей особенное значение — было бы искажением типа, а потому Молчалин, хотя и с видимым усилием, но все же зачеркивает поразившую его картину, а на место ее ставит совершенно противоположное. В конце концов, составляется стереотипный № «Чего изволите?». Прав или нет автор, замечающий со свойственною ему бесцеремонностью, что редакция эта похожа на помойную яму? И какое впечатление оставляет в читателях его статья — один ли смех, вызванный бесцельным балагурством, или нечто гораздо более серьезное? Мы повторяем, что, по нашему мнению, здесь вовсе не звучат фальшивые ноты, как уверяют обиженные фельетонисты, а что сатирик осмеял именно то, что давно уже возмущает каждого видящего и слышащего человека.

